

Глава 5. Наказание

Сегодня настало время вновь открыть Динцюэ. Чан Я спозаранку сменил дощечку с правилами и вывесил её перед Динцюэ. На ней значилось семь условий:

[Правила обращения к лекарю, призывающему дух]

[1. Здесь принимаются прошения от тех, кто пребывает в унынии, чьё сознание омрачено или дух пребывает в смятении. Страждущим же от телесных недугов следует искать Божественного лекаря Тяня в городке Сяшуй.]

[2. Тем, кто соответствует вышеуказанным требованиям, следует поместить в Динцюэ письмо с описанием первопричины беспокойства. Через три дня его внук, Чан Я, навестит просителя для очной диагностики. Если визит не состоится в срок, это следует считать недостатком способностей лекаря и обратиться к другому мастеру.]

[3. В день принимается не более двух просителей.]

[4. Срок исцеления души составляет от семи дней до месяца. Просителям следует рассчитывать своё время.]

[5. Плата за лечение не фиксирована.]

[6. Весь процесс призыва духа строго конфиденциален.]

[7. Содержание писем с запросом на призыв духа никогда не разглашается, независимо от того, принято прошение или нет.]

Прошло несколько дней. Когда Чан Я в очередной раз отправился проверять Динцюэ, ящик уже был полон посланий. Открыв потайную защёлку на задней стенке, юноша достал стопку писем и принёс их домой.

Поприветствовав деда, Чан Я с охапкой писем ввалился в свою комнату и с шумом вывалил их на письменный стол. Письма веером рассыпались по раскрытой книге Цэнь Сяолу, заставив того прервать чтение.

Хлопнув в ладоши, Чан Я придвинул стул и уселся рядом со старшим братом. Он бесцеремонно отпихнул учебник в сторону и сгрёб разрозненные конверты в одну кучу.

— Гляди, сколько запросов! Сегодня нам точно будет чем заняться.

Цзэнь Сяолу никак не выказал недовольства столь бесцеремонным поведением. В конце концов, это была не его комната и даже не его стол. Даже книга, которую он изучал, принадлежала не ему, так что и жаловаться было не на что. Хотя письма и вызывали у него любопытство, он не спешил брать их в руки, ожидая указаний Чан Я.

Тот же, видя, что Сяолу сидит прямо и бесстрастно, заскучал. «До чего же он чопорный. Словно чтение книг — единственное праведное дело, а просмотр писем — пустая забава. Не поверю, что ему ни капли не интересно, ведь он видит их впервые!»

— Ладно, разделим пополам. Ты разбираешь свою часть, я — свою, — буркнул Чан Я.

А ведь он поначалу даже собирался с энтузиазмом разьяснить Сяолу, как классифицировать эти письма и на что обращать внимание. Однако холодность старшего брата мигом охладила его пыл. Если человек не желает слушать, зачем распинаться?

Цзэнь Сяолу и не подозревал, что его попытка соблюдать приличия была истолкована столь превратно. Чан Я тем временем отсчитал ровно половину стопки, подвинул её брату и, отвернувшись, словно обозначив между ними невидимую границу, принялся вскрывать свои письма. Сяолу остался один на один с горой бумаг, недоуменно взирая на них.

Просто сидеть было нельзя — Чан Я уже успел вскрыть несколько штук. Сяолу боялся затянуть работу. Хотя он не знал правил отбора, но, заметив, что Чан Я и не собирается его учить, решил действовать на свой страх и риск. «Может, пойму в процессе», — подумал он.

Чан Я бегло просматривал содержание, не забывая поглядывать на Сяолу. Тот сосредоточенно читал, а дочитав, аккуратно откладывал письмо в сторону. Было неясно, одобрено прошение или нет. Несколько раз Чан Я порывался дать подсказку, но так и не смог пересилить гордость. Видя, что Сяолу работает с уверенным видом и не спешит просить о помощи, он решил не вмешиваться.

На деле же спокойствие Сяолу было лишь маской. Сердце его тревожно сжималось. Содержание писем зачастую оказывалось туманным и двусмысленным, личных данных почти не приводилось, что крайне затрудняло оценку. Вот, к примеру, некий человек пишет, что чувствует смятение и тяжесть в груди. Но чем вызвано это смятение? В письме — ни слова. Тяжесть в груди — это душевный гнет или телесный недуг? Посещал ли он обычного лекаря? Снова тишина. Все сомнительные письма Сяолу складывал в одну стопку, решив пересмотреть их позже. Если сомнения останутся — передаст на суд наставнику.

Среди прочих попадались и те, что отсеять было легко: либо явные телесные болезни, либо откровенная чепуха. В одном из писем некий мужчина стенал, что жаждет прекрасной девы до боли в сердце, и вопрошал лекаря, нет ли способа исцелить его. В конце он даже приложил «совет»: мол, если лекарь очарует девицу так, чтобы та в него влюбилась, то и боль в сердце мигом пройдёт. Подобный вздор Сяолу без колебаний откладывал в сторону для последующего уничтожения.

Разбор почты занял всё утро. Чан Я, будучи куда опытнее, закончил гораздо раньше и долго ждал, наблюдая, как Сяолу неспешно перечитывает каждое письмо. У Чан Я был свой расчет: он надеялся, что Сяолу, видя, как медленно продвигается, всё же отбросит гордость и обратится к нему как к старшему брату.

Но Сяолу, даже под тяжёлым, выжидающим взглядом Чан Я, упорно молчал. От напряжения у него на лбу выступила испарина. Он ещё раз просмотрел сомнительные письма, окончательно выбраковал несколько штук, а остальные подготовил для деда.

Так и не дождавшись вопроса, Чан Я окончательно убедился, что зря терял время. С раздражением подхватив со стола предназначенные на выброс письма, он резко встал.

— Эй, Чан Я! — Сяолу окликнул его, заметив, что тот теряет терпение. — У меня тоже набралось несколько неподходящих.

С этими словами он передал юноше свою стопку брака. Чан Я молча принял их и бросил:

— Хорошо. А те, что прошли отбор, отнеси дедушке.

— Ладно, — кивнул Сяолу.

Когда Чан Я ушёл, Сяолу сложил все одобренные письма вместе и направился к Чан Фуляню.

На следующий день после повторной проверки в руках у старого лекаря осталось всего шесть писем. Накануне Цэнь Сяолу принёс гораздо больше, чем обычно отбирал Чан Я. При просмотре выяснилось, что многие из них следовало отсеять ещё на первом этапе. Это лишь отняло у Чан Фуляня лишнее время.

Старик понимал, что Чан Я не мог допустить столько ошибок — за годы практики внук научился чувствовать нужные письма почти безошибочно. Обычно деду оставалось лишь убрать три-четыре сомнительных случая. Но раз вчера они разбирали почту вдвоём, вывод напрашивался один: Сяолу не справился.

Сяолу был новичком, и его ошибки объяснимы, но он не мог ошибиться настолько сильно, если бы Чан Я его наставлял. Значит, внук не приложил должных усилий. Сразу после обеда Чан Фулянь позвал Чан Я к себе.

— Дедушка, ты звал? — Чан Я вошёл в комнату. Заметив суровое выражение лица деда, он мгновенно напрягся. Сцепив руки за спиной и нервно перебирая пальцами, он лихорадочно вспоминал, где мог оступиться.

Чан Фулянь, не оборачиваясь, встал перед внуком.

— Я-эр, почему во вчерашних письмах столько ошибок? Множество тех, что явно не соответствуют правилам, оказались в стопке одобренных.

Чан Я не сразу нашёлся с ответом, но сердце его ёкнуло. «Ну конечно, это всё письма Сяолу! Вот же упрямый осел, вчера ни слова не спросил, строил из себя знатока, а в итоге подставил!»

— Я... я свои отобрал верно, это... это... — пролепетал он.

— Ты признаёшь свою вину? — сурово оборвал его дед.

— Я... — Чан Я вскинул голову, глядя на деда в испуге и неверии. Почему он должен признавать вину? Ведь это не его ошибка! Всё из-за Цэнь Сяолу, это он...

— Протяни руки, — Чан Фулянь, не терпя возражений, достал дисциплинарную линейку.

Увидев её, Чан Я вздрогнул от страха, но не посмел послушаться. Дрожа, он вытянул обе ладони вперёд. Дед не стал проявлять снисхождения — в воспитании внука он всегда был строг.

Хлёт! Хлёт!

Два удара обрушились на руки. На ладонях тут же вспухли две багровые полосы. Жгучая боль мгновенно разошлась по телу. Чан Я до боли закусил губу, сдерживая крик.

— Можешь идти. Помни: за что бы ни брался, делай это со всем тщанием, — Чан Фулянь убрал линейку.

Как бы горько ни было Чан Я, он не посмел оправдываться. Лишь глухо выдавив из себя «угу», он пулей вылетел из комнаты.

— Чан Я! — Цэнь Сяолу увидел, как тот с покрасневшими глазами выбежал от наставника, и попытался его окликнуть.

Но юноша даже не обернулся. Он ворвался в свою комнату и с грохотом захлопнул дверь.

Чан Я сполз по двери на пол. Обхватив колени руками, он сжался в комочек. Слезы крупными каплями покатались из его глаз, пропитывая ворот одежды. Его душила обида, которой не было выхода. Больше всего злило то, что, уходя, он встретил этого ненавистного человека. Наверняка Сяолу пожаловался деду, чтобы выставить его виноватым! От одной мысли об этом в груди становилось тесно.

Цэнь Сяолу поднял было руку, чтобы постучать, но замер. Из-за двери донеслось сдавленное

всхлипывание. «Чан Я плачет?»

В этот момент из комнаты вышел Чан Фулянь.

— Сяолу, иди-ка сюда.

Поколебавшись мгновение, Цэнь Сяолу развернулся и последовал за учителем.

Выплакав первую горечь, Чан Я почувствовал себя немного лучше. Несмотря на слёзы, о делах он не забыл: сегодня нужно было сходить в город за рисом и мукой — запасы в доме подходили к концу.

В зале и во дворе никого не было. Решив, что все разошлись по своим комнатам, Чан Я взял деньги и в одиночестве вышел за порог.

Придя в Сяшуй, он сразу направился к лавке. Подручный Ян Шидэ узнал его издалека.

— Брат Чан Я, за припасами?

— Да, как обычно, — отозвался юноша.

— Будет сделано! — Ян Шидэ ушёл в подсобку взвешивать товар.

— Чан Я, сколько лет, сколько зим! — юноша ждал, когда товар взвесят, чтобы расплатиться и поскорее уйти домой, как вдруг над самым ухом раздался резкий голос. Чья-то рука бесцеремонно легла ему на плечо и обхватила за шею.

Повернув голову, он увидел того, кого меньше всего хотел встречать.

— Фу Лоу! — Чан Я вздрогнул, его глаза расширились.

Фу Лоу насмешливо провел пальцами по его виску.

— Гляди-ка, какая кожа белая да гладкая. Видать, в прошлый раз я слабо приложился, раз на тебе, маленьком уродце, ни шрама не осталось.

От прикосновения Фу Лоу у Чан Я волосы на затылке встали дыбом. Он рванулся, пытаясь вырваться, но рука задиры железной хваткой вцепилась в шею.

— Попался, — прошипел Фу Лоу ему в самое ухо. — Теперь не сбежишь.

Он потащил Чан Я за собой. Тот, задыхаясь, неловко засеменял следом.

В этот момент из лавки выбежал Ян Шидэ с мешком в руках.

— Чан Я! А рис-то забирать будешь?

Фу Лоу зажал юноше рот ладонью и обернулся:

— Чан Я решил со мной прогуляться. Оставь рис себе!

— Эй... — Ян Шидэ хотел было возразить, но парочка уже скрылась за поворотом. Парень почесал затылок. «Ну и дела. Товар взвешен, а покупатель ушёл. Я лишь подручный, долго хранить не смогу — если Чан Я не вернётся, придётся продать другому».

Тем временем Фу Лоу притащил Чан Я на задворки академии Минли. Это было заброшенное место: в углу высились горы мусора, источавшие зловоние. Фу Лоу, хоть и был местным заправилкой, считал себя благородным господином. Проходя мимо нечистот, он брезгливо прикрыл нос рукавом и прибавил шаг. Оказавшись в глубине своих «владений», он наконец опустил руку и выругался, но так и не ослабил хватку. Лицо Чан Я уже стало пунцовым, а дыхание — прерывистым.

— Господин Лоу! — из полуразрушенного сарая, державшегося на честном слове и паре столбов, выскочили трое или четверо подростков. Та самая свора прихвостней, что всегда вилась за Фу Лоу.

Тот разжал пальцы и с силой толкнул Чан Я в спину.

— Смотрите, кого я сегодня выловил! — самодовольно объявил он.

Мальчишки тут же обступили упавшего юношу.

— Маленький уродец пожаловал!

— Что же ты с порога в ноги кланяешься? Мы люди простые, нам такие почести ни к чему, пока господин Лоу здесь!

Чан Я, сбитый с ног, упал на колени. Его ладони проехали по острой гальке и песку. Боль от недавних ударов линейки вспыхнула с новой силой. Песок впился в содранную кожу, на лоб выступил холодный пот. Но юноша не проронил ни звука. Эти стервятники только и ждали его стонов. Даже умирая от боли, он не даст им повода для смеха.

— Ладно, разойдись! — Фу Лоу бесцеремонно растолкал своих подручных и встал над Чан Я, взирая на него сверху вниз. — Послушай, уродец. У меня сегодня хорошее настроение. Если потешишь нас как следует, так и быть — отпущу домой.

Чан Я, пошатываясь, поднялся на ноги. Он молчал, лишь настороженно и гневно смотрел на Фу Лоу, не зная, какую новую подлость тот задумал.

<http://bllate.org/book/17545/1708728>